

ОЛЕТ СЕРГЕЕВ

НОВАЯ ИСТОРИЯ СТАРОГО МИРА

18+

Олег Сергеев

Новая история старого мира

«Автор»

2026

Сергеев О.

Новая история старого мира / О. Сергеев — «Автор», 2026

Мир раскололся: один удар молнии стёр прошлое. Он больше не тот, кем был. В нём — воля бога войны, на плечах — тяжесть клятвы, а перед глазами — лицо девушки, которую он не успел спасти. Его месть — не вспышка гнева, а медленный огонь, который сожжёт всё до основания.

© Сергеев О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Олег Сергеев

Новая история старого мира

Глава 1

Олег вернулся из Сочи и теперь бесился у подъезда, меряя шагами тротуар. Шурик ещё десять минут назад сказал: «Выхожу», — и до сих пор не вышел.

Вчера вечером он примчался с курорта, где отдыхал по льготной путёвке. В первый же день Олег выполнил программу-минимум: в море искупался, выпил местного вина, сходил на дискотеку, «закадрил» девушку.

Когда в двухместном номере, после коньяка и моря, он занялся любовью с отдыхающей девицей, сосед по комнате спрятался под одеялом. Ноябрь, галька, вода ледяная — не полежишь, не расслабишься, а вести девицу куда-то ещё не было ни желания ни денег.

На следующий день сосед не выдержал и вызвал охрану. Девушку выпроводили. Олег за это предъявил претензию — та налилась красным и ярко засветилась под глазом соседа. В итоге он съехал, оставив апартаменты в личное пользование. Ещё одна маленькая победа.

— Да где ты, наконец?! — рявкнул Олег и рванул в подъезд, взлетел на второй этаж, увидел приоткрытую дверь и ворвался в квартиру.

Шурик сидел на пуфике, дрожащими пальцами пытаясь завязать шнурки.

— Ну ты чего так долго? Водка греется, — бросил Олег.

В коридоре было темно, и только сейчас он заметил: с другом что-то не так. Лицо осунулось, похудело, в тусклом свете из подъезда оно казалось бледным пятном. От крепкого парня, служившего в войсках дяди Васи, почти ничего не осталось.

— Может, ну её, эту улицу... У тебя посидим? — голос Олега вдруг стал тише, будто сам испугался своего прежнего напора.

— Да нет, справлюсь, — медленно, с усилием вставая, ответил Шурик. — Не слишком часто из дома выхожу. Хоть напоследок подышу свежим воздухом.

Лавочка была ледяной, будто из неё специально выстудили всё тепло. Олег сел, и холод тут же вцепился в спину, напомнил, что ноябрь — не про курортные сказки.

Шурик сел рядом, медленно, будто каждое движение стоило ему лишней секунды жизни. И тут Олег впервые по-настоящему его услышал: не слова, а тишину между ними. Ту самую, в которой не слышно обычного Сашкиного ворчания, шуток, тяжёлого, уверенного смеха. Вместо этого — только скрип лавочки и далёкий шум машин, который вдруг стал слишком громким, как будто город нарочно старался не дать им остаться наедине с этой тишиной.

Олег открыл бутылку. Пробка щёлкнула, и этот звук прозвучал неестественно громко, будто выстрел в пустой комнате. Он налил в пластиковый стаканчик, протянул другу. Шурик покачал головой и стал рассказывать:

— Когда совсем неважно стало, с женой доехали до больницы, — спокойно, буднично начал он, будто рассказывал, как добирался на маршрутке. — Диагноз — рак желудка, четвёртая стадия. Метастазы пошли. Врачи руками развели.

Слова падали в эту тишину, как камни в колодец: тяжёлые, гулкие, без возврата.

— Месяц, может, ещё протяну. Боли невыносимые, уколы уже не помогают. Завтра родственники опять хотят к какой-то бабке-знахарке везти. Я не верю. Фигня всё это, против рака ничего не поможет — закончил он так же ровно.

А Олег сидел и чувствовал, как у него внутри всё сжимается, становится маленьким и холодным.

Он не стал спрашивать, почему не пошёл к врачам раньше. И так понятно. Не баре по докторам бегать, надо работать, семью кормить. Всегда тянули до последнего: авось пронесёт. В этот раз не пронесло.

У Сашки оставалось двое детей: пацан, которому скоро семнадцать, и дочь — четырнадцати лет. Хорошо ещё, что почти выросли.

Слов у Олега не было. Только руки, которые наливали и наливали в свой стаканчик, будто пытались залить этот холод внутри.

Так они и просидели, пока жена не увела Сашку домой.

Через три недели его не стало.

Янин и Интина плыли по небу — красный и синий спутники, будто две противоположности, вечно стремящиеся друг к другу и вечно разлучённые. На миг казалось, что стоит лишь протянуть руку, и можно дотянуться до их ледяного света, но между ними всегда оставалось непреодолимое пространство — как между людьми, которых разделяют долг, страх и непризнанные желания. Над Танарией шагала ночь, укрывая мир плащом из звезд, тяжёлым и холодным, как предчувствие беды: казалось, сама тьма затаила дыхание, прислушиваясь к шорохам, что крались по земле и скользили по камням.

Пятеро магов на крепостной стене не отрывали взглядов от далёких огней, взлетающих в небо. Их силуэты были застылыми, как статуи, но в каждом угадывалось напряжение — пальцы судорожно сжимали рукояти посохов, на лбах выступил пот, а в глазах, помимо усталости, скользили отблески тревоги. С каждым новым огненным шаром, с каждым треском вдалеке сердце стучало всё громче: никто не знал, когда именно начнётся настоящий штурм.

— Этим дурным что, заняться нечем? — буркнул один, но в его голосе слышалась не столько злость, сколько усталость от бесконечного ожидания. Его слова повисли в воздухе, не встретив возражений: каждый из них уже не первый день стоял тут, разрываясь между страхом и скукой, между долгом и отчаянием.

Эта крепость веками перекрывала путь в княжество, становясь камнем преткновения в затяжной войне с Леннарией. Только войной это называли лишь по привычке: не было ни штурмов, ни попыток стереть укрепления с лица земли. Были лишь набегии воительниц-магинь — быстрые, как удары молнии, и такие же беспощадные. Они брали пленных и исчезали, оставляя после себя лишь пепел и вопросы. В памяти каждого стража жили ночи, когда в темноте вспыхивали красные сполохи, а потом на рассвете находили только обугленные доски, разорванные цепи, да пустые глаза тех, кому не повезло выжить.

Подгорье, имя этих земель, звучало как предупреждение: здесь не прощали ошибок. Каждый шаг, каждое слово — всё могло стать последним. И сегодня огненные шары над лагерьом воительниц на юге казались не сигналами, а насмешкой. Высший клан Леннарии — Массар — получил право атаковать крепость на ближайшие пять лет. И, похоже, они не собирались тратить время впустую. Ветер доносил до стены отдалённые крики, звон оружия, запах разогретого металла и пряной травы, которой натирали свои тела магини, готовясь к нападению.

— Заждались, мальчики, — прошепестел мелодичный голос из темноты, обманчиво нежный, как прикосновение лезвия. В этих словах была издёвка, но и лёгкая грусть, как будто сама ночь, наконец, решила вступить в игру. Маги вздрогнули, кто-то судорожно вцепился в край каменного зубца, кто-то попытался пробормотать защитное заклинание, но было уже поздно.

Слова ещё не успели затихнуть, а в воздухе уже расцветали узоры магических плетений — яркие, хищные, заметные только в магическом зрении. Они сплетались в сложные сети, переливались алым и синим, словно отражая в себе свет тех самых спутников, и в этот миг стало ясно: ловушка захлопнулась. Из мрака возникли фигуры, быстрые и точные, будто сотканные из самой тени. Их глаза сверкали багровым, движения были отточены до невозможности — ни звука, ни лишнего жеста. Парализованные маги даже не успели осознать, что проиграла, прежде чем их спеленали верёвками и начали спускать со стены — вниз, туда, где ночь становилась не укрытием, а ловушкой, где каждый вдох отдавался эхом страха, а каждый шаг по земле — смертельной неизбежностью.

Над Славградом стояло ясное весеннее солнце — такое, что даже старые крыши будто светлели, а воздух пах пылью, травой и дымом из труб. С далёкого юга вернулись птицы: они кружили над городом, ныряли под карнизы, начинали заново обживать старые гнёзда и спорить из-за веток для новых.

По старой традиции жители выносили на заборы тюфяки и матрасы — выбивали из них зимнюю сырость, проветривали под солнцем. По дворам бегали куры, в сараях мычали коровы, нетерпеливо кося глазом на ворота: там, на пастбищах, уже пробивалась сочная молодая трава. Простой люд жил своей исконной жизнью, мало обращая внимания на творимую вокруг суету. Для них всё шло как положено: весна приходила, птицы возвращались, солнце грело.

А в центре города, в пёстром тереме, раскрашенном так, что по цветам можно было прочесть, какими силами владел тот или иной правитель Подгорья, всё было иначе.

Из окна на втором этаже доносились крики: старый князь воспитывал подчинённых.

— Черти малохольные, вы там что, совсем сбрендили?! — рявкнул князь Дмитрий, и голос его, тяжёлый и хриплый, будто оседал пылью на стенах.

Трое воинов в броне стояли, понутив головы, и молчали. Их доспехи тускло поблёскивали в свете, который казался здесь неуместным, слишком лёгким для этой комнаты.

— Как можно утащить со стены пятерых магов? Чтобы все теперь ходили на стенах прижатые! — приказал князь и, устало вздохнув, отпустил бледных защитников пограничной крепости.

Когда воины вышли, Дмитрий подошёл к столу из дорогого красного дерева и тяжело опустился в кресло. На его широком лбу залегли глубокие морщины, а сильные пальцы начали отстукивать нервную дробь — будто пытались выбить из столешницы хоть какой-то ответ. Он очень устал. Напряжение грызло изнутри, день за днём, и князь знал: ещё немного — и оно просто сломает его.

Ползли нехорошие слухи про его сына, княжича Вольдемара: будто он связался с какой-то леннаркой. В княжестве тем временем продолжали пропадать одарённые дети — и всегда только мальчики. Ведь мальчики, в которых просыпалась магия, во всём мире остались только здесь: Подгорье по-прежнему называли последним оплотом ушедших богов. Люди здесь до сих пор верили в бога войны Тора и его жену Астру, богиню очага.

Восемь веков назад Тор вместе с женой ушёл из этого мира куда-то очень далеко. Он даже не смог прийти на помощь своему сыну Торгрину, оставленному вместо себя, — и тот погиб, когда началась война между богами. Все знали, что одарённых детей крадут жрицы богини Танары, но поделаться ничего не могли.

Да ещё эта война с Леннарией на южных границах, тянущаяся уже двадцать лет... Леннария давно бы захватила их, но не хотела зря проливать кровь: королевству были нужны мужчины-маги и мальчики с даром. Богине Танаре не удавалось забирать у них суть Ян, как она делала в остальном мире. Но князь чувствовал: сколько верёвочке ни виться, конец один.

Смерть стояла рядом и ждала, когда он наконец упадёт в её объятия. Единственное, чего хотелось Дмитрию, — хлопнуть напоследок дверью так, чтобы мерзкая богиня навсегда запомнила последнего подгорского князя.

Дверь распахнулась, и внутрь, громко топая сапогами по половицам, вошёл громадный мужик в просторных шароварах и белой рубаше, опоясанный широким поясом, на котором драгоценными камнями были выложены древние руны.

Последний жрец ушедшего бога грозно смотрел на Дмитрия. Его пронзительный взгляд из-под кустистых бровей будто прожигал насквозь. Длинный посох в руке сверкал навершием, и каждый шаг отдавался глухим стуком, словно отсчитывал последние спокойные дни. Подойдя, он облокотился на стол и пророкотал:

— Что, князь, просрал княжество?

— Не береди душу, Захар. Можно подумать, ты не растерял свою паству? — Дмитрий смотрел равнодушно, его уже давно не волновал грозный вид жреца. — Говори, зачем пришёл, и вали отсюда. Дел и без тебя хватает.

— Правда твоя, князь. Силён супостат, не сдюжили мы, — тяжело вздохнул гость. — Я к тебе за помощью пришёл. Хочу напоследок этой стерве Танаре свинью подложить. Появилась одна идея, — пророкотал басом жрец и замолчал, ожидая ответа.

— Это очень хорошо. Я обеими руками за. Говори, Захар, чего тебе надобно, — князь впился взглядом в глаза жреца, будто в них можно было прочесть хоть каплю надежды.

— Надобно мне найти трёх отроков способных да девять девиц непорочных. Собрать их в месте тайном, так чтобы никто не прознал. А ещё помощница нужна, с девками заниматься. Лекарка лучше всего подошла бы, — быстро перечислил Захар.

— Ну и запросы у тебя... Девочек-то ещё найду, с ними проблем пока нет. А где я тебе парней возьму? Они и так наперечёт, особенно одарённые, — покачал головой Дмитрий.

— Ты поищи, поскреби по сусекам. Может, и найдёшь где? Чую, недолго нам осталось землю копать, — Захар смотрел требовательно, не отводя взгляда.

Где-то с минуту они молча глядели друг другу в глаза. Потом князь нагнулся, достал из-под стола бутылку с самогоном и спросил:

— Будешь?

— Наливай, — ответил жрец. — Под это дело заодно всё и обмозгуем.

Самогоны в горле и на языке разливался острым, неудержимо крепким вкусом — сначала настигал жгучей волной, словно огонь, который пробивался сквозь грудь, разнося по жилам мгновенное тепло. Первый глоток обжигал до слёз, щипал язык, будто прокатывался по внутренностям шершавым колесом, до самых костей. За ним следовал хрустящий, прохладный вкус солёного огурца, который смягчал жжение и возвращал в тело ощутимую живость, дарил мгновение деревенского лета — терпкая соль, зелёная свежесть, лёгкая кислинка. Вторая порция самогона уже не резала так остро, расплзалась по телу мягким, почти уютным жаром, словно волна сдерживаемой силы. Послевкусие оставалось долгим, металлическим, с нотами брожения и слегка горьковатым следом, отчётливо напоминая о тяжёлых дум и мужском упрямстве. Этот вкус не только опьянял, но и отдавал эхом всей той скопившейся в комнате усталости, тревоги, ожидания, словно собравший в себе всю тяжесть и отчаянную надежду ушедших лет.

Князь вытер рот тыльной стороной ладони и прищурился:

— Ну, рассказывай. Что за идея?

Захар повертел стакан в широких ладонях, будто взвешивая что-то невидимое.

— В старых записях храма нашёл кое-что. Не проводили это уже тысячу лет. Может, и к лучшему, что не проводили. Последний раз — когда Тор ещё ходил среди людей.

Дмитрий поднял бровь.

— Ты хочешь сказать, что сам Тор...

— Не сам Тор. Его жрецы. Но это не та штука, которую можно рассказать в двух словах. И не та, про которую стоит болтать лишний раз. Скажу одно: если получится — Танара запомнит. Надолго.

— А если не получится?

Захар молча налил себе ещё.

Тишина комнаты была не полной — в ней таились тяжёлые, глухие звуки: цокот сапог по деревянным половицам раскатывался гулкими ударами, словно в предчувствии грядущей грозы. Голоса звучали низко, хрипло и устало; бас Захара пророкотал в пространстве, словно раскаты грома, а его речь, размеренная и медленная, билась в стены, будто ища отклик или поддержки. Князь отвечал короткими, резкими фразами, голосом, обожжённым долгими ночами без сна. Крики, донёшшиеся ранее из окон, плавно затихли, осели пылью на стенах, оставив лишь отголосок тревоги. Звяканье бутыли и стаканов раздалось коротко и резко, нарушая вязкую атмосферу, а крепкий глоток самогона сопровождался тихим вздохом облегчения и коротким приглушённым кашлем. За дверью, едва уловимо, доносились приглушённые звуки жизни терема: скрип старой мебели, отдалённое мычание скота из двора, едва слышное куриное кудахтанье. Всё сливалось в общее ощущение медленного, но неотвратимого движения событий — затаённый ритм мира, в котором герои пытались вырваться из-под гнёта судьбы.

Князь посидел, глядя, как самогон дрожит в стакане мелкой рябью.

Воздух в комнате казался густым, пропитанным тяжелой смесью запахов: прелое дерево столешницы отдавалось сладковатым духом старины, смешанным с терпкостью холодного металла от поясов и доспехов, витающих ещё после ухода воинов. Крепкий, жгучий аромат самогона резал ноздри, мгновенно смешиваясь с кисловатым запахом огуречного рассола — этот запах пробуждал воспоминания о домашнем уюте, но на фоне тревоги казался почти кощунственным. В глубине ощущалось нечто древнее, будто едва уловимый фимиам, оставшийся от жреческих обрядов: смесь воска, сухих трав и вековой пыли, оседающей на всех вещах. Запах дыма и пота, вьевшийся в старые стены, дополнял картину напряжённости: каждое дыхание приносило резкую отповедь — здесь давно не было ни свежести, ни покоя, только настороженность и надежда на забытое облегчение опьяняющего напитка. Даже весенние ароматы, проникавшие сквозь приоткрытое окно, глохли среди этой тяжёлой атмосферы, а весь мир вне терема казался нереальным, отодвинутым за порог времени и пространства.

Они ещё немного помолчали. За окном весна чувствовала себя хозяином положения: где-то кричала птица, хлопала дверь, кто-то ругался на улице. А здесь, за толстыми стенами терема, два старых врага всей этой суеты сидели и решали, как пройти через то, через что, может, не получится пройти.

— Про сына твоего слышал, — вдруг сказал Захар, и голос его стал тише, осторожнее.

Дмитрий дёрнулся, будто его ткнули в больное место.

— Не начинай.

— Я не осуждаю. Леннарка — это не приговор, князь. Молодой парень, кровь кипит, а тут девки с южной стороны... Я не про то. Я про то, что если Вольдемар связался с ними, он может знать больше, чем мы.

— Ты хочешь использовать моего сына?

— Я хочу его спросить. Не использовать. Спросить.

Дмитрий встал, подошёл к окну, посмотрел на улицу. Там бабка выбивала тюфяк, и пыль летела в стороны, как дым. Князь смотрел на это и думал, что бабке проще: у неё есть тюфяк, есть палка, и задача понятная — выбить пыль.

— У тебя дети есть, Захар? — спросил он, не оборачиваясь.

— Были. Двое. Давно.

— Что случилось?

— То же, что со всеми. Мальчиков забрали. Девочка... выросла, ушла. Не верится уже в богов, когда детей крадут. — Жрец говорил это так спокойно, что становилось страшнее, чем если бы он кричал. — Я не прошу тебя отдать сына. Я прошу тебя поговорить с ним. Не как князь, а как отец.

Дмитрий повернулся. Лицо его было старым, и не от возраста, а от того, что последние двадцать лет каждое утро добавляли по новой морщине.

— Завтра приду в храм. Утром. Трезвый.

— Не обязательно трезвый, — хмыкнул Захар.

— Обязательно, — отрезал князь. — Если мы делаем это, то делаем как надо. А не как обычно.

Захар допил свой стакан, поднялся, опираясь на посох. Встал тяжело, как встают люди, которые несут на плечах больше, чем видно глазом.

— Добре. Я подготовлю записи к утру. Ты приходи. И... князь?

— Что?

— Спасибо.

Дмитрий не ответил. Просто сел обратно в кресло и налил себе ещё.

Захар вышел, и шаги его, тяжёлые, мерные, гулко простучали по лестнице и стихли. Жрец отрезвил себя магией, не доходя до ворот, и зашагал к храму.

А князь остался сидеть, глядя в окно, где над Славградом в ясном весеннем небе плыли два спутника — красный и синий, безразличные ко всему, что творилось внизу. Потом налил ещё, и ещё, и уснул, уронив голову прямо в тарелку с огурцами.

В Подгорье наступил вечер. А в мир шли перемены, о которых никто пока даже не догадывался.

Глава 2

Дорога тянулась серой лентой. Впереди, уверенно держа поводья, ехала Эльза Матвеевна — её гнедая кобыла шла ровной, спокойной рысью. Чуть позади, тоже верхом, держались гридни: Егор и Фёдор. Они зорко оглядывали обочины, прислушивались к каждому шороху и при этом умудрялись не терять из виду всю колонну. А следом, растянувшись по дороге, катились три телеги, запряжённые крепкими крестьянскими лошадьми. На первой, ближе к голове колонны, устроились парни. Сашка сидел на краю, свесив ноги и то и дело поджимая их, когда колесо попадало в выбоину. Он старался выглядеть невозмутимым, но каждый раз, когда телега подпрыгивала, его лицо на мгновение становилось совсем мальчишеским — будто он и не ехал ни в какую даль, а просто трясся по знакомой деревенской дороге. Рядом с ним, по-хозяйски расставив локти, сидел Федот: он крепко держался за борт, будто телега могла вдруг сорваться в галоп. Взгляд у него был спокойный, но внимательный — он всё примечал: как скрипит ось, как фыркает лошадь, как ветер шевелит траву на обочине. Степан, третий парень, устроился на мешках с припасами и всё время тянул шею, выглядывая вперёд, — ему просто хотелось, чтобы дорога скорее кончилась и можно было нормально поесть. Иногда ктонибудь из парней спрыгивал и шёл пешком. Скорость была не слишком большая, молодые ноги спокойно выдерживали темп. Ребята болтали без умолку, рассказывая о своей прошлой жизни: про деревенские походы, про рыбалку, про то, как кто-то из соседских девок ведро молока пролила, и про то, как Сашка с Тамаркиной горы зимой на доске съехал и в сугроб нырнул — всем селом потом смеялись. Никто не знал, куда их везут, но особого страха от этого не было — только любопытство. У мальчишек было относительно тихо, по сравнению с двумя телегами, на которых ехали девчонки. Там стоял настоящий гвалт. Говорили все разом, перебивая друг друга: кто какую юбку взял, кто что ел утром, кому чей платок больше нравится. Периодически кто-то из девчонок пихал соседку локтем и показывал глазами в сторону парней, после чего обе тихо хихикали. На одной из телег сидела Таисия, временами оправляла платок — ей казалось, что так она выглядит взрослее. На самом деле она просто хотела, чтобы Сашка на неё посмотрел, и каждый раз, когда ловила его взгляд, делала вид, что поправляет выбившийся локон. Рядом с ней примостилась Марья: та тихонько держалась за борт и время от времени вздыхала, будто пыталась примириться с тем, что мир вдруг стал таким большим и тряским. Любаша, напротив, нарочно громко смеялась над каждой кочкой и подбадривала остальных: «Ничего, доедем! Зато потом будем рассказывать, как нас по всему княжеству возили!» Но стоило дороге уйти в тень, как её голос становился тише, а взгляд — острее. Аглая сидела чуть в стороне, смотрела на дорогу и, казалось, запоминала каждый поворот, каждую приметную сосну у обочины. Варвара и Настасья устроились рядышком и громко переговаривались о самом обыденном: о том, как в деревне куры разбежались, когда гроза началась, о том, кто какую пряжу купил. Им было важно, чтобы в голосе звучало что-то привычное, домашнее. Глаша время от времени вздыхала и куталась в платок, будто хотела спрятаться, а Пелагея, наоборот, ловила каждый звук: скрип колёс, цокот копыт, далёкий крик птицы — и будто складывала их в узор, который понимала только она. Дарья, самая младшая, то и дело оборачивалась назад, будто ждала, что изза поворота вотвот выскочит кто-то знакомый и скажет: «Да шучу я, возвращайся домой». Девушки тоже часто спрыгивали на землю, размять ноги. Тогда ктонибудь из парней отставал, чтобы поболтать на ходу. Степан, например, всегда оказывался рядом с Любашей и рассказывал ей что-то смешное, а она поддакивала и толкала его плечом. Сашка поравнялся с Таисией и просто молча шёл рядом, и обоим этого было достаточно. Дорога брала вверх, потом снова спускалась в низину, и воздух становился гуще. Эльза чуть прищурилась, глядя в рябь над дорогой: старые чары, положенные ещё при князе Яромиле, тихо мерцали в угасающем свете дня. Для большинства они были невидимы, для неё — привычны, как колея под копытами. Чувствуя

их ровный, спокойный пульс, она чуть спокойнее вздохнула. Иногда их обгоняли всадники, здоровались, узнавали, кто едет, и спешили дальше. Разбойников в Подгорье не было — не приживались здесь они. Порой навстречу попадались торговые караваны, но, увидев, кто едет, сворачивали на обочину. Вид Эльзы Матвеевны внушал уважение, а сопровождавшие гридни говорили предельно ясно: непростой это обоз. До вечера по тракту не прекращалось движение. Жизнь в княжестве шла своим чередом. Солнце клонилось к закату, и тени легли поперёк дороги длинными чёрными полосами. Эльза Матвеевна чуть натянула поводья, прислушалась не к скрипу колёс и не к цоканью копыт, а к тому, как тихо стало внутри самой дороги — будто она выдохлась, дотащив их до этого места. — Тут остановимся. Дальше в потёмках не поедём, — сказала лекарка. Телеги замедлились, потом встали, оси скрипнули в последний раз и затихли. Лошади шумно выдохнули, будто с облегчением сбрасывая с себя тяжесть дня. Федот молча начал распрягать лошадь, привычно и деловито, без лишних слов. Девушки сбились кучкой у второй телеги. Любаша, едва коснувшись земли, рассмеялась: — Ну вот, а я уж думала, мы так и будем всю жизнь ехать! Дарья тут же подбежала к ней, ухватила за рукав: — А теперь можно просто посидеть. — Можно, — улыбнулась Любаша и села прямо на траву, вытянув ноги. — И даже нужно. Пока парни возились с лошадьми и телегами, девушки доставали припасы: хлеб, вяленое мясо, сушёные яблоки, фляги с водой. Аглая молча взяла одеяло и расстелила его на сухой траве, чуть подальше от кострища — так, чтобы было видно и огонь, и тропу, если вдруг кто-то пойдёт. Варвара и Настасья раскладывали еду на чистой тряпичке, привычно, будто накрывали стол у себя в избе. Эльза Матвеевна сошла с лошади, потянулась, разминая плечи, и подошла к месту, где собирались разводить костёр. — Егор, давай огонь. Фёдор, ты проверь опушку, да не уходи далеко. Егор уже собирал хворост — быстро, ловко, будто делал это тысячу раз. Через минуту занялись сухие ветки, потом пошли поленья потолще, и пламя потянулось вверх, разгоняя сумрак. Когда костёр разгорелся, Эльза достала из седельной сумки три небольших амулета — простые, будто из обычного камня, только с тонкой резьбой по бокам. Она молча прошла по кругу, останавливаясь у каждого края лагеря, и тихо шепнула над каждым амулетом короткое слово. Камень едва заметно вспыхнул тусклым светом и тут же погас, будто впитал в себя приказ. Теперь вокруг стоянки легла тихая, плотная тишина — не мёртвая, а такая, что чужак не пройдёт незамеченным, а зверь лишний раз не сунется. Эльза кивнула, словно подтверждая себе, что всё на месте, и вернулась к огню. Ребята понемногу подтягивались к огню. Сашка сел рядом с Таисией, не вплотную, но так, чтобы чувствовать её плечо. Таисия, будто и не замечая этого, достала кусок хлеба, отломала половину и протянула ему: — Держи. А то ты весь день только кочки считал. Сашка взял, улыбнулся чуть смущённо: — Спасибо. Я их, эти кочки, теперь, наверное, и во сне видеть буду. Степан сел напротив, положил рядом пару сушёных яблок: — На, это слаще хлеба. Пелагея села чуть в стороне, подпёрла голову рукой и тихо сказала: — Слышите? Сорока три раза прокричала. Значит, рядом кто-то ходит. Глаша только вздохнула и плотнее закуталась в платок, но страха в её вздохе не было — только усталость. Марья, глядя на огонь, тихо заговорила: — У нас в деревне, когда кто-то в дальнюю дорогу собирался, вечером у костра всегда про самое простое говорили. Про то, как корова утром не хотела из хлева выходить, про то, как дождь шёл, а крыша не текла. . . Будто этими словами дом с собой брали. Аглая, не поднимая глаз, кивнула: — Так и есть. Словами дом и берут. И тогда все заговорили разом, но не громко, а так, как говорят у костра, когда хочется, чтобы голос был слышен только своим: про деревни, про родителей, про собак, которые провожали до околицы, про утренний холод, про запах свежего хлеба. Даже Федот, который обычно молчал, вдруг сказал: — У нас на краю деревни старый дуб стоял. Такой огромный, что, казалось, он сам землю держит. Я туда в детстве лазил, думал, с него весь мир видно. А видно было только крыши да поле. Но всё равно казалось, что весь мир. Таисия тихонько рассмеялась: — Я тоже так думала. Что если на забор залезть, то уже взрослая. Сашка посмотрел на неё, и в этом взгляде было столько тепла, что Таисия чуть покраснела.

и опустила глаза, но улыбаться не перестала. Когда еда кончилась, а разговоры стали тише, Эльза Матвеевна поднялась, подошла к костру и присела на корточки, протягивая ладони к теплу. — Пора укладываться, — сказала она спокойно, без приказа, просто как тот, кто знает, когда пора. — Завтра дорога будет тяжелее. Пусть каждый найдёт себе место, где потеплее да поспокойнее. Фёдор, ты первый на карауле. Егор, тебя сменишь. Ребята стали расходиться по своим углам. Ктото заворачивался в одеяло прямо у костра, ктото отходил чуть дальше, туда, где трава была погуще. Дарья пристроилась рядом с Варварой и Настасьей, будто искала в их тихом перешёптывании ту самую привычность, которая греет лучше любого одеяла. Сашка лёг на краю, рядом с Таисией. Он не спал ещё долго, смотрел на звёзды, которые проступали сквозь кроны, и слушал, как рядом тихо дышит девушка. Потом закрыл глаза и подумал: «Сегодня мы никуда не едем. Сегодня мы просто есть. И этого достаточно». Он даже не догадывался, что этот день будет для него последним.***В квартире на диване лежал очень бледный и худой человек. От крепкого парня почти ничего не осталось. Бледное высушенное раком лицо, усталый взгляд, потерявший надежду. Когда очередной приступ скрутил всё тело, Александр потерял сознание. Спазмы и судороги пропали. Наступила непроглядная ночь, в которой не было места жизни. Спустя мгновение, а может быть вечность, разум резко вернулся. Опять стало плохо, только на этот раз почемуто раскалывалась голова. Сквозь волны накатывающей адской боли ему послышался незнакомый голос — очень приятный, звучащий словно ручеёк. Голос то пропадал, то через какое-то время появлялся вновь. Плакала и настойчиво повторяла его имя незнакомая девушка: — Саша, Сашенька, ну очнись, пожалуйста. Голос звучал откуда-то сверху и проникал в затуманенное сознание. Почувствовав, как что-то капнуло на губы, он непроизвольно слизнул солёную капельку и понял: это слёзы. Незнакомка плакала. Тут до него наконец дошло: боль пропала. Наоборот, во всём теле была такая лёгкость, какой не чувствовал очень давно. Открыв глаза, он посмотрел на девушку, у которой лежал на коленях. Её глаза цвета голубого неба вспыхнули от радости. Взмахнув гривой длинных рыжих волос, девчонка, пощекотав ими его лицо, стёрла слёзы и быстро затараторила: — Сашка, ну наконец-то ты очнулся! Я так испугалась, когда ты полетел и головой об камень ударился. Прямо белка какая-то. Стоило ему подумать про белку, как по голове словно ударили. Он заскрипел зубами и застонал, с трудом удержавшись в сознании. В мозгу стали возникать незнакомые образы: мама, папа, сёстры... «ААААА — какие, нафиг, сёстры?! У меня один брат был, и всё!» — мысленно скривился он. Эту девчонку зовут Таисия, он откуда-то её знает. В деревне, из которой они с ней родом, её все называли Белкой — за огненнорыжие волосы, а её мать — Лисичкой. В какой ещё деревне? Он из Подмосковья. Становилось всё хуже и хуже: голова раскалывалась на части, картинки перед глазами мелькали быстрее и быстрее. Почти потеряв сознание, он почувствовал, как на его горевшую адским огнём голову легли чьи-то прохладные руки. Через секунду боль стихла, а через минуту он снова почувствовал себя здоровым и полным сил. Когда зрение восстановилось, кроме Белки, он увидел склонившуюся над ним женщину лет тридцати — тридцати пяти. У неё были зелёные волосы до плеч и такие же глаза — цвета весенней травы. Лицо чистое, белое, без загара; слегка полноватые губы, мягкий подбородок. В открывшемся ему декольте Александр невольно увидел упругую грудь, с двумя большими сосками. Сашка поспешил отвести взгляд в сторону. Одним словом — красотка. Её пронзительный взгляд изучал его, будто просвечивал насквозь. — Ты в порядке, Александр? — спросила она своим певучим голосом. Одновременно с этим её глаза загорелись и погасли, и он почувствовал странность: как будто его всего просветили, изучили и разобрали на составляющие. «Магия», — понял он. Она применила к нему магию. И тут в голове щёлкнуло: «Память Сашки из деревни Нижние Буряки» теперь была в нём. По спине пробежал ледяной холодок — будто чужие воспоминания навалились разом, тяжёлой волной, и на секунду потемнело в глазах. Скосив глаза, не поднимая головы, чтобы не вызвать подозрений, он осмотрел своё тело. Тело было не его, а какого-то мальчишки лет шестнадцати: худощавый, с тонкими руками и ногами, но крепкий и

жилистый. — Да, Эльза Матвеевна, — ответил он и чуть снова не поддался панике, но, видимо, заклинание, наложенное на его голову, всё ещё действовало. Откуда он знает её имя? Что это за голос? Почему он говорит как какойто пацан? И на каком языке? Постепенно, под лёгкое поглаживание Таисии по его многострадальной голове, он успокоился полностью и всё понял. Александр Сергеевич Карягин, тысяча девятьсот лохматого года рождения, работавший и живший в Подмоскowie, отец двоих детей, умер у себя дома и очнулся в мире Танария, названном так в честь захватившей его богини. Его родственники сейчас оплакивают его и хоронят. А может, прошла не одна тысяча лет, прежде чем он оказался в этом мире, в теле шестнадцатилетнего паренька — Александра, или Сашки Бурякова. Мальчик не умер, его душа не ушла за грань, а переродилась, объединившись с душой Александра Карягина. Теперь он — Сашка Буряков-Карягин. Эльза оставила их, и Таисия помогла ему встать. Оглядевшись, он увидел молодых девчат и двух ребят, которые разжигали костры, вешая котелки над ними. Приближалось время ужина. Когда сломалась телега, обоз не поехал дальше, а стал устраивать лагерь на месте аварии. Он немного задремал, когда отлетело колесо у одной из трёх телег. В результате она завалилась, а он полетел — невысоко и недалеко, аккуратно до камня, лежавшего на обочине и ждавшего его голову. Удар был сильным настолько, что показались мозги. Многие решили, что всё, Сашка Буряков не жилец. Но ехавшая с ними целительница Эльза Матвеевна вытащила его с того света — в буквальном смысле. — Ну ты, Шурик, даёшь, как так умудрился стукнуться? — обратился к нему с риторическим вопросом Степан. Отвечать он не стал, лишь хмыкнул, устраиваясь у костра. — Отстань от Сашки, не видишь, плохо ему ещё! — налетела на паренька Белка. Таисия была готова за него и в огонь, и в воду. Ещё совсем недавно в деревне она призналась ему в любви. Ни о какой поездке тогда не думали. Он ходил с отцом на охоту, обучался разной премудрости: как зверя скрадывать, ловушки ставить. Из лука стрелять учился, правда, взрослый лук ему пока был не по силам. Белка ему тоже сильно нравилась, и очень может быть, не забери их Эльза, лежал бы он с Таисией сейчас на сеновале. Хотя тогда парень не разбил бы себе голову, и Александр Карягин так и не появился бы в этом мире. «Теперь я знаю, что смерти нет. Любая душа сможет переродиться. Это сто процентов». — Да ладно тебе, Таись, — сдал на попятную Степан, — уже и спросить нельзя. — Спросил? И отстань теперь, — Бельчонок посмотрела на ребят и девчат. — Не желает ли кто-то ещё пристать ко мне с вопросами? Глядя на серьёзно настроенную девушку, желающих не нашлось. Вскоре поужинали приготовленной на костре кашей и легли спать. Лежа на подстилке и укрывшись плащом, он смотрел на звёзды. На ночное небо восходила вторая луна. Ну, значит, точно не Земля. И, странное дело, это даже приносило облегчение: на Земле он уже мёртв. «Будем живы — не помрём», — легко подумалось ему. Таисия спала недалеко, иногда разговаривая во сне и забавно причмокивая. Вроде бы взрослая уже девушка, а до сих пор палец во рту держит. Несмотря на всё то, что произошло, на слияние двух душ, перемещение из мира в мир, Сашка смотрел на спящую Таисию и хотел её. Магия жизни, которую использовали на нём, взбудоражила молодой организм. Но нельзя. Эльза Матвеевна ещё в начале поездки строго предупредила: не дай Тор, ктонибудь из девушек потеряет свою девственность — тогда её ждёт смерть. Потерпим пока. Тут в другом мире переродился, в другое тело попал, а мысли непонятно о чем. Надо думать как жить дальше. Хотя чего тут думать, главное жить. Так, размышляя сразу о двух мирах, он и не заметил, как уснул. Утро встретило их хмуро — поливало дождём. Капли, летевшие с неба, заставили всех попрыгаться. Позавтракав вчерашним ужином, они погрузились на телеги и поехали дальше. — Саш, давай одним плащом укроемся, а то я замёрзла, — пропищал мокрый Бельчонок. — Залезай, — и девчонка, юркнув в распахнутый плащ, прижалась к нему всем телом. Стало потеплей. — Саня, а ты дурачком не станешь, головой сильно ударился? — сразу полезла она с дурацкими вопросами. — Таись, отстань, а то выгоню, — он ущипнул её за бочок. — Ай, не щипайся! Я же волнуюсь, потому и спрашиваю, — взвизгнула девушка. — Давай помолчим, может, уснём, — попросил он. При таком скрипе телеги, на которой они тряслись по дороге,

уснуть было непросто.— Вчера один уснул, — подколола она, о чём-то задумавшись. Прижав девушку к себе покрепче, он положил голову на её плечо и тоже стал размышлять. Сейчас он — это он, Александр Карягин, только находится в другом теле. Мир совсем другой — магический. Судя по мечам на поясах сопровождавших их воинов и щитам, притороченным к сёдлам, — средневековый. Хотя не факт: некоторые вещи были явно не кустарного производства. Какая-то беда случилась в прошлом: девочек рождается много больше, чем мальчиков. Отец говорил — его или Бурякова, он так до конца и не определился, кто он теперь:— В Подгорье ещё бабы нормальные, а в остальном мире прямо звери какие-то.— Если княжество захватят, будем тогда как скотина домашняя. Нас, как бычка Борьку, будут водить на верёвочке на случки, — вздыхал Батя и готовил очередной схрон в лесу. В этом мире с мужским населением беда, и прав у мужиков почти нет — разве только у лордов каких-нибудь. Да в княжестве. Ему всё это до лампочки. Главное — жив и здоров, а дальше будем посмотреть.— Белка, ты куда свои шаловливые ручонки тянешь? — поймал он кисть, залезшую в его штаны.— Сашулечка, ну что тебе жалко? Дай подержаться, — прошептала она.— Выползай давай из-под плаща, дождь кончился, — лить как из ведра и правда перестало, вдалеке уже проглядывало солнышко. Они выбрались наружу и сели рядышком. Таисия положила голову ему на плечо.— Всё равно ты, Сашка, моим будешь, — сказала она тихонько. — Если какая из этих куриц, — она посмотрела на остальных девчонок, ехавших с ними, — попробует тебя увести, я ей глаза выцарапаю. Последнюю фразу Белка сказала чуть громче, чтобы окружающие девушки её услышали. Те лишь фыркнули на её спич. Так и ехали: тряслись и болтали ни о чём. Если телега застревала, Эльза колдовала, и они спокойно двигались дальше. Пока путь лежал по тракту, ещё ничего. Но как только съехали в лес, то чаще шли пешком за телегами. Он смотрел по сторонам, вдыхал чистый, не загаженный воздух и наслаждался новой жизнью: в новом теле, в новом мире. Не врал писак: попаданцы — это не фантазия, а реальность. Единственное, в чём все они ошибались, так это в главном. На Земле он умер в сорок пять лет, а сейчас ему семнадцать. Прошло совсем немного времени, а сознание взрослого мужчины уже меняется, подстраиваясь под организм подростка. «Так что не может старец остаться старцем в молодом теле. Бытие определяет сознание — первый закон попаданца, который он узнал, попав в мир Танария. Тропа вынырнула на открытую соснами поляну — и стало ясно, что дорога наконец кончилась.

Глава 3

Путешествие по полям и лесам Подгорья наконец закончилось. Лес будто выдохнул, расступившись перед широкой поляной, и обоз выкатился на открытое пространство, где среди вековых сосен теснились хозяйственные постройки — словно сбившиеся в кучу перепуганные звери.

В центре, как сердце этого места, стоял дом — трёхъярусный, массивный, похожий на терем из старых сказок. Только не игрушечный, а настоящий: тяжёлый, основательный, будто выросший из самой земли. Широкие ступени крыльца вели сразу на второй этаж — словно приглашали не просто войти, а подняться выше, туда, где начинается другая жизнь.

Мы остановились, и все взгляды сошлись на фигуре у дверей. Хозяин здешних мест ждал нас, спокойный и неподвижный, как камень посреди бурного потока.

Перед дверью в дом располагалась площадка, на которой стоял высокий — сам себя шире — бородатый дед с причудливым посохом. Одетый просто, но добротно. Единственное, что притягивало взгляд в его одежде, так это пояс со странными знаками, от которых не хотелось отводить глаз.

Дед смотрел, ожидая, когда приехавшие юноши и девушки подойдут поближе. Мы слезли с телег, прихватив свои хилые пожитки, и столпились перед крыльцом.

Кто-то испуганно икнул, взглянув на грозного великана. Я, Федот и Степан стояли чуть впереди, а девчонки расположились за нашими спинами.

— Здравствуйте, отроки, приветствую вас у себя, — дед слегка поклонился. Мы отвесили ему земной поклон. Старость надо уважать.

— Призвал я вас, чтобы сослужили вы службу богу моему, а теперь и вашему — Тору, — голос Захара прозвучал ровно, без крика, но от него по коже пробежал холодок. — Тор — бог воинов великих, рождённых в сражениях кровавых.

Он чуть тряхнул головой, и взгляд его, тяжёлый, как молот, скользнул по девушкам.

— А вам, девицы, стоит почитать жену его Астру, хранительницу очага домашнего и тепла, что не даёт огню превратиться в пепел. Не для слабости дано это почитание, а для равновесия.

Дед прокашлялся, будто сбрасывая с плеч тяжесть собственных слов, и продолжил уже привычным, жёстким тоном:

— Звать меня Захар, буду учить вас уму-разуму. Эльзу Матвеевну вы уже знаете. Сегодня обустраивайтесь, а поутру начнём постигать науки разные, таким бестолочам, как вы, полезные.

Он развернулся и скрылся за дверью.

Мы стояли, уставившись на пустое крыльцо, и молчали. Стало ясно, куда нас привезли. Непонятно зачем и для чего, но это и неважно. Страхи, терзавшие многих, постепенно уходили — главное, не в рабство. Кормить, поить будут, остальное ерунда. Пушай учат чему угодно. Молодые мозги впитают всё как губка.

Переминавшись с ноги на ногу, кто-то наконец выдохнул.

— А я-то думал, нас на мельницу продадут, — тихо сказал Степан. — У нас в слободе так пугали: будешь плохо себя вести — продадут на мельницу, мешки таскать.

— На мельницу? — Федот хмыкнул. — А я думал, в рудник. Мне бабка говорила: будешь плохо есть — в рудник отправят, руду ковырять.

— Ну, тебя-то точно, — подколот Степан. — Ты и так плохо ешь.

— Кто плохо ест? Ты сам посмотри на себя, — Федот ткнул друга в бок. — У тебя рёбра, как у арфы, можно играть.

— Хватит вам, — я толкнул обоих плечом. — Не на мельницу, не в рудник. Слышали деда? Будем магами. Лучше, чем мешки таскать.

— Или хуже, — буркнул Федот, но уже без страха — скорее так, для порядка.

— Девчата, давайте за мной, — сказала стоявшая всё это время неподалёку Эльза Матвеевна. — Мальчишки, ждите Егора, он сейчас подойдёт и займётся вами.

Егор — один из княжеских гридней — сейчас возился с обозом: распрягал лошадей, уводя их в конюшню, складывал привезённые вещи и припасы.

Эльза увела девушек, а я с ребятами остался ждать гридня.

— Пойдём присядем, что ли, — сказал Федот.

— Пошли, чего стоять, в ногах правды нет, — ответил ему Степан.

Мы втроём устроились возле дома на травку и стали ждать.

— Красиво тут, — Степан задрал голову, разглядывая крышу, покрытую чем-то вроде деревянной черепицы. — Только муравно. Тишина, птицы поют... Непокойно как-то.

— Ты в городе жил? — спросил Федот.

— В слободе. Там всегда шум: телеги, собаки, кузня рядом. А тут — глушь.

— Глушь — не глушь, а конюшня есть, баня есть, дом — вон какой, — я кивнул на терем. — Может, и жить можно.

— Это если кормить будут хорошо, — философски заметил Федот.

— Кормить-то будут, — сказал Степан. — А вот сколько бегать заставят — вопрос.

— Бегать я и сам могу, — Федот откинулся на траву. — Мне бы поесть и поспать, а бегать — за мной не заржавеет.

— Лежебока, — хмыкнул Степан.

— Практичный, — поправил Федот.

Вскоре мимо нас пробежали девчонки. Нагруженные вещами, они, смеясь, показали нам языки и скрылись из вида. За ними степенно следовала Эльза Матвеевна — шла неторопливо, уверенно, будто знала, что все на неё смотрят, и не собиралась ни прятаться, ни оправдываться. В её походке было что-то завораживающее — не столько красота, сколько сила, которой пока не было у нас.

Я поймал себя на том, что смотрю ей вслед, задница у Эльзы зачётная, и резко отвернулся, чувствуя, как щёки заливают жар, а в штанах просыпается и набухает. От стыда за собственную неловкость — я был мальчишкой, который только учился держать взгляд, когда мир становился слишком большим и слишком взрослым.

— Тоже заметил? — шепнул Федот, наклонившись к моему уху.

— Заткнись, — буркнул я.

— Я просто спрашиваю, — он поднял руки. — Чисто познавательный интерес.

— Ага, — Степан хихикнул. — Познавательный. У тебя аж уши покраснели.

— У меня от солнца, — Федот потёр ухо. — Аллергия.

— У тебя и на солнце аллергия, и на Эльзу Матвеевну, — я наконец улыбнулся. — Разносторонний ты наш.

От конюшни к нам спешил Егор:

— Так, парни, сейчас быстро в каптёрку, выбираете себе одежду, я покажу какую, а потом в баню.

И он пошёл в ту сторону, откуда только что шла Эльза с девчатами. Мы подорвались и устремились за ним.

В каптёрке пахло свежим деревом и чем-то чистым — не то травами, не то просто той самой чистотой, к которой мы за дорогу отвыкли. Егор раздал нам рубахи — льняные, свободные, штаны из грубой ткани, с поясами, и мягкие сапоги.

— Это мне? — Степан повертел сапог, будто никогда такого не видел. — Я в таких только на картинках... то есть, в книжках видел.

— Ноге мягко, носок кругом, не то что наши лапти, — Федот сунул ногу в сапог и потопал. — О! Как по маслу.

— Не привыкайте, — сказал Егор, не оборачиваясь. — В них бегать будете, а не гулять. Сносите — дадим новые. Изорвёте — будете босиком.

— А если сбежим? — спросил Степан, вертя сапог.

— Далеко не убежите, — Егор усмехнулся. — Лес тут — на три дня пути во все стороны, а за ним — горы. С голыми руками туда лучше не соваться.

— А с одетыми? — не унимался Стёпка.

— С одетыми — дольше проживёшь, — отрезал Егор. — Всё, хватит болтать. Баня ждёт.

В тот день нас переодели, помыли, раздали необходимые мелочи — например, всем девушкам расчёски, а нам острые бритвы. Брить только пока было нечего.

Обидно было, что в бане мы парились отдельно от девушек. С огромным удовольствием я бы посмотрел на Эльзу Матвеевну голой.

— Эх, наверное, не судьба, — пробормотал я, выбирая себе койку в большой комнате, куда нас привели после бани.

И обнаружил рядом с собой Таисию.

— Сашка, наконец-то ты пришёл, мы совсем рядышком будем спать, — сказала она, устраиваясь на соседней кровати.

Нас троих поселили жить вместе с девчонками. Некоторые из них уже немного оголились и притягивали взгляд. «Будет тяжело», — подумал я и ответил Бельчонку:

— Куда я от тебя денусь, Тась. Давай спать ложиться, неизвестно, что нас завтра ждёт, но лучше быть хорошо отдохнувшими.

— Саш, а ты понял, что дед имел в виду? Про источник? — Таська поджала ноги и обхватила их руками. — Ну, что он в груди?

— Понял-то понял, — я сел на койке. — Только почувствовать — это другое. Он же не сказал как.

— Может, надо просто... не знаю... прислушаться? — она приложила руку к груди, будто пытаясь нащупать что-то.

— Может, — я пожал плечами. — Завтра попробуем. А пока — спать. Завтра этот изверг с молотом нас встанет поднимать, я уверен.

— Какой изверг? — не поняла Таська.

— Увидишь, — я махнул рукой. — Спокойной ночи, Бельчонок.

— Спокойной ночи, Саш.

Я разделся до подштанников и залез под тонкое одеяло. На дворе стоял апрель, было тепло, и укутываться не было смысла. Таисия последовала моему примеру и, раздевшись почти догола, легла на свою кровать.

Со стороны соседних коек доносился шёпот девчонок — они переговаривались, хихикали, делились впечатлениями.

— А он тебе понравился? — донеслось откуда-то из угла.

— Кто?

— Ну, этот... как его... Степан.

— Ты что! Он же тощий, как жердь!

— А ты-то сама какую жердь предпочитаешь? — и потом — сдавленный смех, шипение, попытка не заржать в голос.

Федот, лежавший через две койки, тихо сказал:

— Слышите? Обсуждают. Нас. Вот.

— Пусть обсуждают, — Стёпка зевнул. — Может, хоть кто-то скажет, что я не тощий.

— Не скажут, — отозвался Федот. — Ты тощий. Это факт.

— Спасибо, друг. Очень поддержал.

— Всегда пожалуйста.

Через пять минут мы уже спали. Хорошо быть молодым и здоровым.

С утра разбудил противный, звонкий звук. Сволочь, такой сон обалденный снился:

Смутно помню, но во сне Эльза была в босоножках на высокой шпильке, а из одежды — только пионерский галстук.

— Эльза, ты готова? — спрашивал я у неё.

— Всегда готова! — отвечала она.

А тут этот долбанный звон. Ещё и поллюция, будь она неладна. Отмывайся теперь и гадай весь день, к чему была готова пионерка Эльза Матвеевна.

Быстро одевшись, выскочили из дома. На шесте возле крыльца висел круглый щит. По нему увлечённо долбил кузнечным молотом Егор — один из гридней.

«По голове лучше бы себе постучал, изверг», — подумал я, устремляясь к умывальникам возле конюшни.

Федот фыркал и обливался холодной водой по пояс, а Степан стоял в сторонке.

— Ты чего не умываешься? — спросил я у него.

— Брр, холодная, — ответил он, поёживаясь.

— Ну и ладно, ходи грязный, — Федот брызнул в него водой. — Маг воды, блин. Даже умыться не может.

— Я ещё не маг воды! — возмутился Степан, но всё-таки плеснул себе на лицо. — Ой-ё-ё...

— Живой? — спросил я.

— Еле, — Степан потёр щеку. — Можно я обратно в кровать?

— Нет, — ответил Федот. — Пошли, тебе сказали — бегать.

— Кто-то сказал «бегать»? Где? — Степан сделал вид, что оглядывается. — Не слышал. Может, идём ещё поспим?

— Идём, — кивнул я. — Прямо сейчас. А Егор тебя догонит с молотом.

Степан побледнел и побежал к дому.

Закончив утренние дела, собрались перед домом. Девчонки, как всегда, галдели.

— Ну-ка, тихо, — раздался знакомый голос, и на крыльце появился Захар.

Возле него стояли два воина, которых мы до этого не видели.

— Сейчас все бегут за Егором, — жрец указал на знакомого нам гридня. — Николай будет помогать отстающим.

Захар показал на второго воина, стоявшего рядом с ним.

— Когда будете бежать, старайтесь вдыхать носом, а выдыхать через рот. По сторонам не глазать и не разговаривать.

Жрец стрельнул из-под бровей своим грозным взглядом.

— Вы спали в непростой комнате. Сейчас те крохи магии, что есть в вас, взбудоражены. Постарайтесь их ощутить.

— Мальцы, — обратился жрец к нам, трём подросткам.

Я с ребятами уставился на него ещё внимательнее.

— Ваш источник — в груди, — Захар приложил руку к солнечному сплетению.

— А ваш — сороки, там же, где и мозги, — его ладонь легла чуть ниже живота.

— Егор, можешь бежать, — сказал он гридню, водившему нас вчера в баню.

И мы побежали. Бегали до тех пор, пока не услышали звон, который звал на завтрак. Почувствовать источник ни у кого не получилось, но лиха беда начало.

На первой же пробежке Степан, пытаясь, выдохнул:

— Если... я не... почувствую... источник... то пусть... он меня... прикончит... сам... потому что... я... и так... уже... мертвец...

— Дыши носом, — бросил Федот, бежавший рядом. — Тебе сказали.

— Я... дышу... чем... могу...

— Не отставать! — крикнул Егор, обернувшись. — Николай, подсоби!

Тот самый воин с хворостиной — подбежал к Степану и деликатно, но настойчиво подпихнул его в спину.

— Ой! — Степан прибавил ходу. — Всё! Бегу! Бегу!

Девчонки бежали молча, но по-другому — с каким-то злым упорством, будто доказывали что-то не нам, а себе. Таська держалась недалеко от меня, и я слышал её ровное дыхание — не сбившееся, но напряжённое.

Перекусив чем бог послал, втроём устроились возле кухни на заваulinке.

Девушки решали, кто и когда будет дежурить. Драки не было, но, возможно, скоро начнётся. Кричали так, что распугали кур, бегающих под ногами. На шум пришла Эльза и быстро всё разрулила.

— Как она это делает? — Степан смотрел с восхищением. — Пришла, сказала три слова — и все довольны.

— Это потому что она красивая, — сказал Федот.

— Красота тут ни при чём, — возразил я. — Она знает, как с ними говорить. Это тоже умение.

— И красивая, — повторил Федот, будто не слышал.

— И страшная, когда злится, — добавил Стёпка. — Ты видел, как она на Степана посмотрела, когда он курицу случайно пнул?

— Я не пнул, а оттолкнул! — возмутился Степан.

— Ну, оттолкнул. Она тебе потом такую лекцию прочитала про уважение к живому... Ты потом полчаса куриц зёрном кормил. В знак раскаяния.

— Они сами под ноги лезли! — Степан покраснел.

Я хмыкнул. Подумал, что неплохо было бы перекурить после завтрака, но в этом мире табака не знали. Оно и к лучшему, наверное.

— Повезло нам, магами будем, огонь бросать научимся! — сказал Степан.

— Вдруг ты водным магом станешь, тогда не видать тебе огненных шаров, — поддел друга Федот.

— Это ещё лучше! — не расстроился Стёпка. — Водным — так водным. Буду реки пускать, врагов топить. Красота!

— Ты плавать-то умеешь? — спросил Федот.

— Нет, — Степан задумался. — Но я быстро научусь.

— Сначала источник почувствуй, — сказал я. — А потом про реки рассуждай.

— Думается мне, — влез я в их разговор, — такие заклинания, как шары, молнии, не очень сложные. Их все смогут применить.

Ребята начали спорить, а я задумался.

В магическом мире очень важны сила дара и его направление, поэтому надо быть очень внимательным. От знаний, полученных сейчас, в будущем может зависеть жизнь. А терять её опять — ой как не хотелось.

Пришли девчонки. Некоторые присоединились к спору, но вскоре нас всех загнали в дом.

Рядом с нашей спальней был оборудован класс — просторная комната с длинными столами, лавками и полками, заставленными свитками и книгами в кожаных обложках. Пахло тут пылью, воском и чернилами — запах, от которого у меня почему-то сразу теплело внутри, будто я снова в школе, только теперь всё по-настоящему.

Эльза Матвеевна, которая вела у нас грамоту и основы магии, стояла у доски, где углём были выведены странные, угловатые буквы.

— Кто выучит буквы и сможет из них составлять слова, получит книжки и будет сам по ним обучаться, — сказала она, обводя нас строгим взглядом. — А кто будет зевать и хихикать — пойдёт дрова колоть.

Девчонки тут же выпрямились, будто невидимая струна натянулась у них между лопаток. Парни переглянулись: дрова колоть никому не хотелось.

Я склонился над своей тетрадью. Буквы были непривычные, но мозг, привыкший к чтению, быстро подстроился. Рука сама тянулась выводить крючки и углы, будто это не новая азбука, а просто другой шрифт.

Таська наклонилась, заглянула в мою тетрадь.

— Саш, ты чего так быстро пишешь? У тебя ровно получается.

— Практика, — буркнул я, не поднимая головы. — Рука привычная.

— Не, ну скажи! — она чуть не подпрыгнула на лавке. — У меня буквы как пьяные тараканы расползаются. Смотри!

Она развернула свою страницу: буквы и правда плясали, наклонялись в разные стороны и будто пытались сбежать с линеек. Я не удержался и хмыкнул.

— Это потому что ты крючочки вверх загибаешь, — я показал на её строчку. — Вот, смотри: ведёшь вниз, потом плавно. Без рывка.

— О! — Таська попробовала. — И правда лучше. Спасибо!

— Не благодарю, — я пожал плечами. — Завтра у тебя всё равно всё криво будет. Утром надо переписывать.

— Вот спасибо, ободрил так ободрил, — она показала мне язык, но тут же вернулась к тетради, старательно выводя очередной крючок.

С другой стороны стола Федот вздыхал над цифрами.

— Ну вот, — бормотал он. — Три плюс два — пять. А если пять умножить на три — уже пятнадцать. Зачем столько? Кому это надо?

— Тебе, — спокойно ответила Эльза Матвеевна, проходя мимо.

Федот поднял на неё глаза, будто только сейчас понял, что она вообще здесь.

— А отдыхать когда будем? — спросил он с надеждой.

— Будем, — кивнула она. — Когда научишься считать.

Степан, который сидел рядом с ним, хмыкнул:

— Ты сначала научись бегать.

— Я бегаю, — возмутился Федот. — Просто я экономлю силы. Это стратегия.

— Стратегия у него, — Степан закатил глаза. — Вчера ты на третьем круге лёг на траву и сказал, что это медитация.

— Так и было! — Федот даже тетрадь отложил. — Я пытался почувствовать источник. Просто он... не чувствовался.

— Потому что ты лежал, — сказал я. — Источник, похоже, любит движение.

— Или тишину, — добавила Таська, не отрываясь от букв. — Может, надо просто сесть, закрыть глаза и слушать, как он внутри шепчет.

— И что он шепчет? — Федот наклонился к ней. — «Беги, беги, пока можешь»?

— Может, «пиши, пиши, пока чернила не кончились», — хихикнула Таська.

Эльза Матвеевна остановилась у нашего стола.

— Достаточно, — сказала она строго, но в уголках её губ пряталась улыбка. — Сначала буквы. Потом медитации. И уж точно не одновременно.

Мы дружно склонились над тетрадями. Тишина в комнате стала другой — не напряжённой, а рабочей, когда каждый старается, и это слышно по скрипу перьев и по тому, как кто-то тихо повторяет про себя буквы.

А я вдруг подумал: может, магия и правда начинается вот с этого — не с огненных шаров и не с полётов, а с того, что ты сидишь, стараешься вывести ровный крючок, и рядом друзья, которые хихикают, спорят и всё равно стараются не хуже тебя.

За час до обеда снова побежали. Артефакты, пробуждающие дар, были расставлены по всему дому и двору: посидишь рядом с таким два часа — и начинаешь чувствовать, как внутри будто что-то шевелится, будто под кожей бежит тонкая струйка воды. Мы старались поймать это ощущение, удержать, понять, откуда оно идёт.

В таком ритме прозанимались почти до темноты, лишь немного отдохнув во время ужина.

Вечерком, перед сном, все обсуждали первый день в храме Тора и Астры. В течение дня узнали, что Эльза — жрица Астры. Это многое объясняло: и её спокойствие, и то, как она одним словом могла утихомирить галдящих девчонок.

— Саша, сильно устал? — спросила Таисия, присев на край моей кровати.

— Есть немного, с непривычки, — ответил я, положив ладонь на её колено. — Ничего, втянемся постепенно.

Я отлично понимал, что нагрузка на наши юношеские организмы совсем небольшая. Где-нибудь через неделю физической усталости не будет. А моральной? Да какая может быть моральная усталость, когда познаёшь целый новый мир?

Белка чмокнула меня в щёку и убежала на свою койку. Пожелав друг другу спокойной ночи, мы через пять минут уже спали

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.